

С. Ю. Гуцалов

Могильник у с. Песочин под Харьковом в контексте истории древних кочевников Южного Урала

Изученный в ходе охранных раскопок в конце XX ст. курганный могильник у с. Песочин, расположенный в лесостепной зоне Северского Донца, сразу же стал его исследователями рассматриваться как один из самых крупных некрополей кочевой знати Восточной Европы середины I тыс. до н. э. [1, с. 171]. Представляется, что историко-культурная значимость этого памятника выходит далеко за пределы обозначенной природной ниши — донцовской лесостепи, если его рассматривать в общей системе культур кочевников Восточной Европы скифской эпохи. В данной статье мне хотелось бы затронуть именно этот аспект проблемы, обратившись к его характеристике на фоне синхронных памятников смежных и несколько отдаленных ареалов кочевой культуры.

Рассматриваемый могильник находился на юго-западной окраине г. Харьков, на правом берегу р. Лучки и состоял из нескольких десятков земляных курганов, из которых было раскопано 35. Все они относятся к одному хронологическому этапу — середине V—концу IV в. до н. э. Причем, количественно преобладают комплексы, датируемые серединой—второй половиной IV в. до н. э. [1, с. 171].

К характерным чертам погребального обряда относятся:

- 1) сооружение курганов в один строительный прием, причем, в отдельных случаях засвидетельствовано наличие плиток дерна толщиной 2–3 см, использованных при сооружении погребального объекта;
- 2) архитектурной особенностью курганов является наличие в них деревянных склепов, сооруженных на уровне погребенной почвы. Среди таковых имеется «сруб», состоявший из опорных столбов, обшитых вертикальными брусками, нижние концы которых крепились во рву, вырытому по периметру склепа. Не исключено, что в ряде случаев были представлены шатровидные надмогильные конструкции [1, с. 48–49];
- 3) оформление материкового выкида вокруг могилы;
- 4) в пяти курганах на уровне погребенной почвы прослежены следы кострищ¹;
- 5) как правило, под курганами находилась одна могильная яма. В курганах высотой до 1 м были представлены грунтовые прямоугольные ямы с ровным горизонтальным дном (около 50 %) или же со ступенькой вдоль длинной (восточной) стенки.

¹ Такой признак, как значительное распространение различных форм ритуального применения огня (сожжение деревянной гробницы, разведение кострищ на погребальной поверхности, зольные пятна в могилах и насыпях, использование пережженной глины при сооружении насыпи) я опускаю, ввиду того, что в настоящий момент многие из перечисленных положений подвергаются сомнению на предмет их принадлежности к культуре огня.

Один раз (курган № 28) обнаружена катакомба, относящаяся к первому варианту второго типа по типологии В. С. Ольховского [2, с. 27]. В больших курганах наличествуют грунтовые ямы с канавкой по периметру дна, использовавшейся для крепления деревянной облицовки могилы (курганы № 5, 16) или же со столбовой конструкцией, при обязательном наличии центрального столба. Иногда фиксировалось сочетание последних двух признаков;

- 6) в одном случае предполагается кремация покойных на уровне погребенной почвы, но преобладающим является обряд труположения. В индивидуальных захоронениях доминирует положение покойников головой к югу — 5; на З и на С — по 3, на В — 1. В коллективных же погребениях наблюдается ортогональное расположение скелетов, среди которых обязательно положение одного из них головой на юг. В целом можно констатировать господство южной ориентировки покойников, которая проявилась в первую очередь в элитарных захоронениях;
- 7) наличие в отдельных курганах захоронений коня и предметов конского снаряжения (рис. 1).

Показательно и то, что среди заупокойного инвентаря наиболее широко представлены предметы вооружения: наконечники стрел (до нескольких сотен штук в отдельных погребениях), наконечники копий, дротиков и втоки от них (обнаружены в 11 могилах) и защитное вооружение — пластинчатый панцирь, остатки щита (?) с железным пластинчатым покрытием и кожаный пояс с бронзовым пластинчатым покрытием. Эти находки часто сочетаются с предметами античного импорта (посуда и украшения) [1, с. 67–68].

Нет сомнений в том, что большинство элементов погребального обряда, проявившихся в Песочинском курганном некрополе, не имеют аналогов в культуре местных кочевых племен предшествующего времени. В тех отдельных памятниках, раскопанных в исследуемом регионе, относящихся к VI в. до н. э. господствует иной ритуал захоронения: в больших ямах прямоугольной формы, перекрытых бревенчатым настилом, покойники располагались, там где это можно установить, в широтном направлении [3, с. 257–260; 4, с. 143–182; 5, с. 297–303]. При этом инвентарь, сопровождающий более ранние погребения, явно уступают захоронениям у с. Песочин по таким признакам как насыщенность могил предметами престижа и воинского обихода.

С другой стороны, в рассматриваемом некрополе явно проявилась культурная неоднородность кочевого населения, что, вероятно, тесно связано с социальной дифференциацией общества. В частности, это разнообразие выражается в устройстве деревянных гробниц, которые характерны именно для курганов больших размеров. Данный признак погребального обряда в целом был характерен в скифскую эпоху для памятников Днепровского левобережья, но в предыдущее время был распространен, главным образом, в Посулье [6]. В лесостепи к востоку от Северского Донца на Среднем Дону в VI—V вв. до н. э. аналогичные памятники появляются синхронно с северскодонцовскими [7; 8].

С другой стороны, могилы со столбовыми деревянными конструкциями были широко распространены по всей днепровской Лесостепи еще в раннескифскую эпоху [6, с. 81, 82; 9, с. 31–35; 1, с. 257–260]. Правда, нельзя это уверенно утверждать о характере обрядности в предшествующее время. При этом в степях Северного Причерноморья встречаются отдельные погребения этой разновидности гробниц [2, с. 40–41].

Сложно говорить о культурной преемственности населения донцовской Лесостепи и в такой особенности погребального ритуала как южная ориентировка погребенных. После широкого ее распространения в раннескифское время в Посулье [1] и Поросье [10], затем в Поднепровье она исчезает, как в лесостепной, так и в степной зонах [2, с. 67]. Ее распространение в песочинском некрополе в тесной увязке с коллективными захоронениями и ортогональным расположением умерших заставляет видеть ближайшие параллели названным чертам обряда среди древностей прохоровской культуры

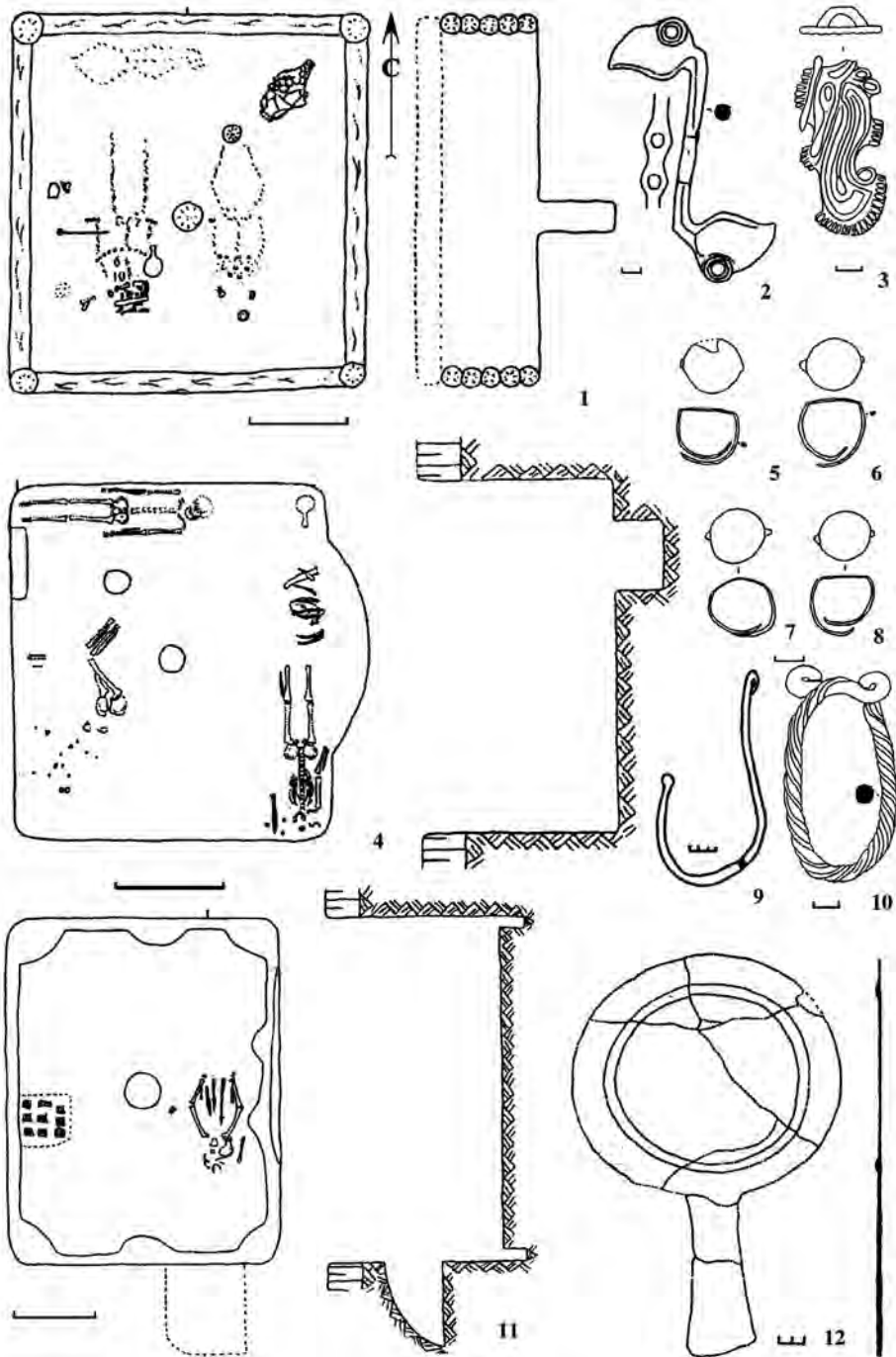

Рис. 1. Могильник Песочин (по Бабенко Л. И., 2005):

1 – план и разрез погребения 1 кургана № 8; 2 – бронзовый псалий из кургана № 2; 3 – бронзовая уздечная пронизь из кургана № 7; 4 – план и разрез погребения кургана № 25; 5, 6 – золотые перстни из кургана № 8; 7, 8 – серебряные перстни из кургана № 6; 9 – железный крючок из кургана № 33; 10 – железное кольцо из кургана № 5; 11 – план и разрез погребения кургана № 9; 12 – бронзовое зеркало из кургана № 8

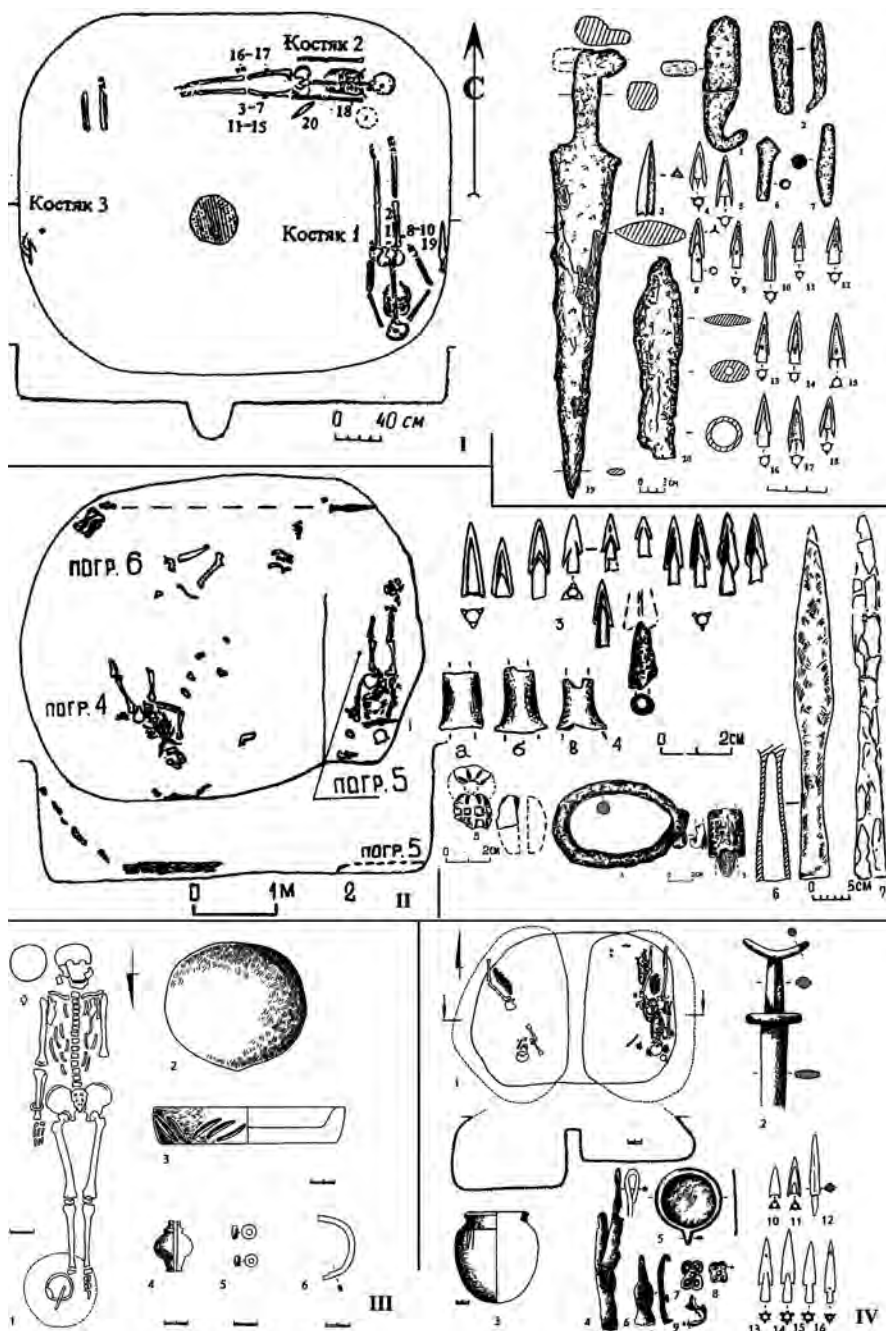

Рис. 2. Погребения конца V—IV вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья:

I — план погребения и находки из кургана 4 у с. Березовка (по Дремову И. И., Семенову И. В., 2003) (номера рисунков соответствуют нумерации на плане), 1, 2, 6, 7, 19, 20 — железо; 3 — кость; 4, 5, 8–18 — бронза; II — Жутово, курган 34, погребения 4–6 (по Клепикову В. М., 1999): 2 — погр. 4–6; 3 — бронзовые и железный наконечники стрел; 4 — бронзовые ворворки; III — план погребения и находки из кургана 1 погр. 1 мог-ка Красносамарский I (по Мышкину В. Н., Скарбовенко В. А., 2000): 2 — бронза; 3 — камень; 4 — глина; 5 — стекло; 6 — железо; IV — план и инвентарь погр. 5 кургана 2 мог-ка Тамбовский (по Мышкину В. Н., Скарбовенко В. А., 2000): 2, 4, 6 — железо; 3 — глина; остальное — бронза

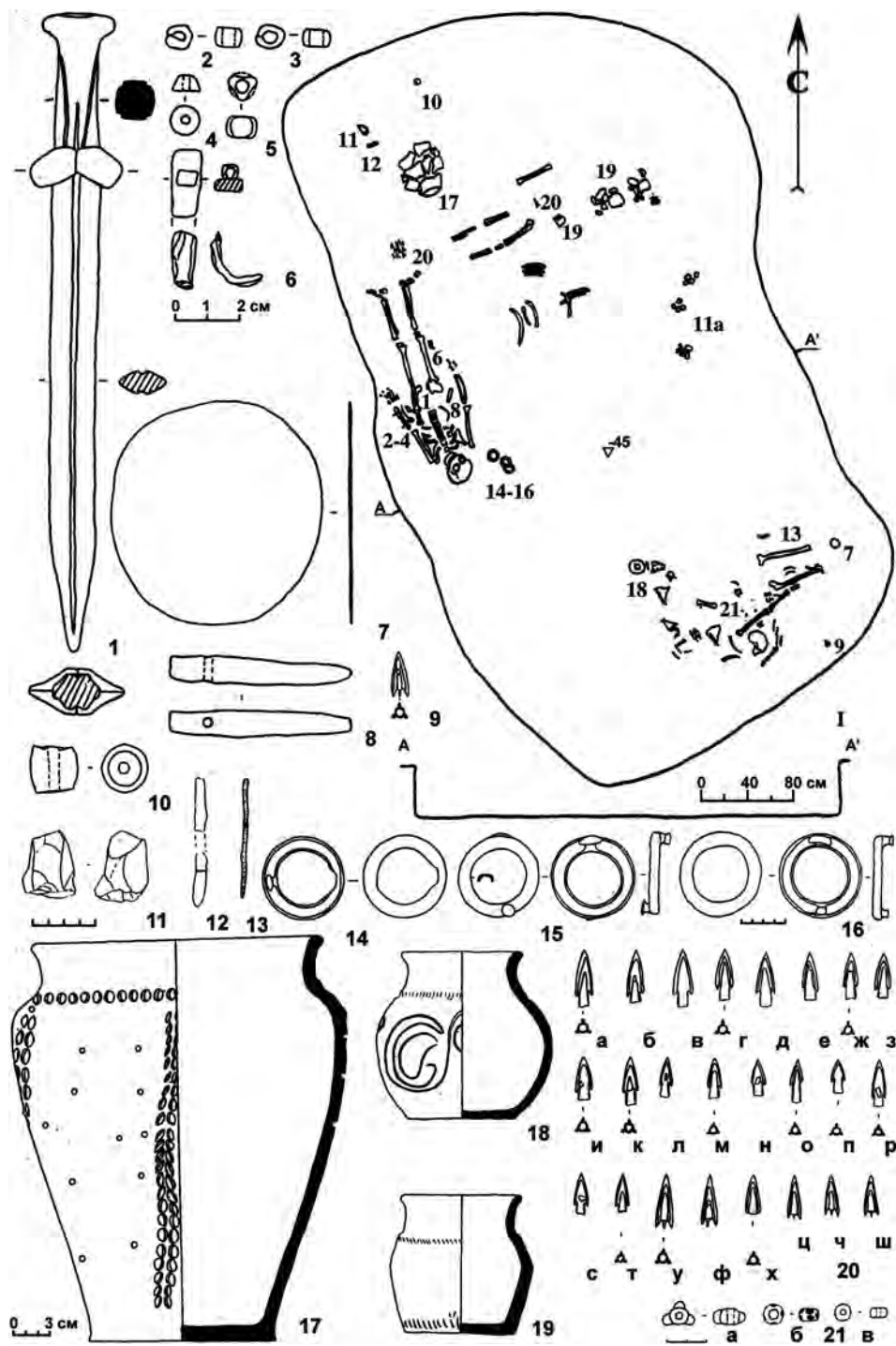

Рис. 3. Могильник Танаберген II (верховья р. Илек):

план и инвентарь погребения 1 из кургана № 3 (номера рисунков соответствуют нумерации на плане), 1-4, 6, 7, 12, 13 – железо; 5, 21 – стекло; 8, 11 – камень; 7, 9, 14-16, 20 – бронза; 10, 17-19 – глина

южноуральских степей, где они появились в конце VI—V вв. до н. э. [11, с. 86–88; 12, с. 53–54, 82–83; 13, с. 141–159] (рис. 3). В культуре кочевников Южного Приуралья эти обрядовые элементы с конца V в. до н. э. приобрели культуруопределяющее значение [14; 15]. Важно, что как на Северском Донце и Среднем Дону, так и на Южном Урале эти свойства ритуала проявили себя в первую очередь в погребениях кочевой элиты.

В этом плане интересными являются еще и восточные аналоги элементам обряда и материальной культуры, зафиксированные в курганах у с. Песочин. Речь идет о катакомбе из кургана № 28 и нише, прорытой в боковой стенке могилы кургана № 9. До IV в. до н. э. в Северном Причерноморье были распространены катакомбы I типа [2, с. 56, 66]. И в Южном Приуралье, кстати, они появляются не ранее IV в. до н. э. [16, с. 44–67; 17, с. 124–146], а в Южном Зауралье, скорее всего на рубеже V—IV вв. до н. э. [18, с. 148–161]. Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тыс. до н. э., является Северный и Северо-Западный Китай [19]. Могилы с нишами в стенках в степях Восточной Европы в предшествующий период тоже были неизвестны; — они также обнаруживаются значительно восточнее Южного Урала — в могилах скифского времени Северного Китая, где кости животных укладывались в определенном порядке в головах погребенного в специальной нише (могильники Маоцингоу, Таохунбала и др., относящиеся к VI—III или V—III вв. до н. э.) [19]. С начала IV в. до н. э. этот элемент обряда стал известен и в Южном Приуралье [20].

Помимо вышеперечисленных свойств, стоит обратить внимание и на состав сопровождающего заупокойного инвентаря из курганов у с. Песочин. Среди таковых бросается в глаза бронзовое зеркало из кургана № 8 (рис. 1, 12). Оно имеет широкий невысокий валик по краю и украшено циркульными кругами по центру диска. Бронзовые зеркала этого типа получают распространение у номадов Заволжья в погребениях IV в. до н. э. в могильнике Лятошинка [21, с. 23–61] и Среднего Дона в погребениях могильника у сел Терновое и Колбино, датируемого второй половиной IV в. до н. э. [22, с. 163]. Однако и там они являются, скорее всего, привнесенными с востока, т. к. аналогичные им экземпляры встречены в Приуралье в кургане у хут. Веселый под Акбулаком [14, рис. 38]; в Южном Зауралье в могильниках: IV Ивановские, к. 2; Альмухаметово, к. 6; Альмухаметово, к. 14 [12, табл. XXIX, 2; XXXI, 2; XXXVII, 2] со второй половины V в. до н. э. И также не исключено появление этого типа зеркал с территории Центральной Азии. По крайней мере, самая ранняя находка близкого по форме зеркала встречена в кургане Иссык из Семиречья [23]. Показательная находка в кургане № 33 у с. Песочин колчанного крючка, который выкован из железного прута, верх которого закручен в петлю (рис. 1, 9) — до IV в. до н. э. в древностях кочевников Восточной Европы этот тип крючков не был представлен. В южноуральских степях он распространяется на рубеже V—IV вв. до н. э. вместе с плоскими каменными (и глиняными) алтариками круглой формы и иными новациями прохоровской культуры, широко распространенными среди древностей саргатской культуры лесостепной зоны Западной Сибири [24, рис. 49, 19; 60, 4]. Стоит также заметить, что в песочинском некрополе фиксируются новые типы украшений — перстни с плоским щитком круглой или овальной формы, получившие распространение в Скифии с IV в. до н. э. [25, с. 68] (рис. 2, 5–8), а также железные браслеты с намотанной на стержень проволокой и завитками на концах (рис. 1, 10; 2, II, 8), которые проявились одновременно сразу в нескольких культурных ареалах Восточной Европы — от Южного Урала до Северного Причерноморья. Такой же характер распространения получили такие элементы конской упряжи как металлические псалии с раскованными концами [26, табл. 28,5; 27, рис. 5, 4] (рис. 1, 2) и нащечники с окончаниями в виде петушиных гребней (рис. 1, 3) и различные уздечные пронозы и бляхи с «петушковидными» окончаниями [27, рис. 5, 2; 11, 3,5; 28, рис. 90–92, 109, 118, 119, 126; 29, рис. 6; 9; 10; 30, рис. 27; 31, рис. 21, 3]. Показательно, что данные уздечные

наборы, вместе с новыми типами украшений, как правило, встречаются в курганах, где представлены ритуальные сосуды, оббитые золотым или серебряным листом [27, рис. 12, 9–10; 32, рис. 58; 59; 33, рис. 1; 2; 34, рис. 8; 9; 22; 29; 32 и др.]. Тем самым, можно говорить о том, что культурные новации в первую очередь были присущи погребениям военной знати.

Учитывая вышеназванные «восточные» параллели, которые прослежены среди древностей кочевых культур Восточной Европы конца V—IV вв. до н. э., логично предположить, что носители прохоровской культуры, Южного Приуралья приняли активное участие в процессах культурогенеза на степных пространствах к западу Уральских гор. Исследователи только подступают к ответу на вопрос о ее значении в этнокультурных процессах среди племен «скифского мира» Евразии в целом [19]. Разрешению данной проблемы мешают устоявшиеся стереотипы во взглядах на существование историко-культурных процессов у древних кочевников степной полосы Евразии в середине—второй половине I тыс. до н. э.

Так, общепринятым считается мнение, что утверждение господства «сарматов» (т. е., носителей прохоровской культуры) в Скифии состоялось не ранее III в. до н. э. [32], а, возможно, только во II в. до н. э. [35, с. 98, с. 121–123; 36, с. 297–303]. Начало же вторжения южноуральских кочевников в волго-донские степи сарматологи относят к концу IV в. до н. э. [14, с. 286–288; 37, с. 80; 21, с. 42], либо к середине этого столетия [38; 39]. В этой связи, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в пределах Заволжья открыт ряд погребальных памятников, характерными чертами которых является совершение коллективных захоронений в широких прямоугольных могилах с ортогональным расположением скелетов с обязательной южной ориентировкой [38; 40, с. 131–134]. Относятся они к рубежу V—IV вв. до н. э., в крайнем случае — началу IV в. до н. э. Именно эти захоронения связываются с начальным этапом миграций древних кочевников Южного Урала на запад. Показательно, что они приурочены к междуречью Волги и Урала и кромке леса и степи на Средней Волге. Отдельные из них проникают в Волго-Донское междуречье (рис. 4). Однако отрешиться от устоявшихся представлений трудно, поэтому авторы предпочитают по традиции относить к середине IV в. до н. э., не раньше. Замечу, что в этих же районах одновременно получают распространение катакомбные захоронения, с южной ориентировкой скелетов, насыщенные оружием и в которых встречается круглодонная посуда с примесью талька в тесте [21; 39; 41, рис. 13–16]. Представляется, что эти памятники маркируют первую волну миграций носителей прохоровской культуры на запад. То есть регионами первоначального освоения кочевниками с востока на этом этапе было междуречье Волги и Урала и лесостепная зона.

Примечательно, что аналогичные погребальные комплексы этого времени существуют в лесостепной зоне Среднего Дона и Северского Подонцовья, где с конца V в. до н. э. получили распространение курганы воинской элиты со сложными деревянными сооружениями в дромосных могилах с преобладающей ориентировкой покойников головами на Ю или С [8; 35]. Одним из наиболее ярких в данном ряду является могильник у с. Песочин в лесостепной зоне Северского Донца.

Таким образом, имеются достаточные основания для того чтобы говорить о том, что могильник у с. Песочин конца V—IV вв. до н. э. имеет очень много черт инновационного характера. Данное наблюдение подтверждается выводами скифологов о характере культурогенеза в лесостепной зоне Восточной Европы. Так, по мнению Ю. Н. Бойко, «...в степях Сев. Причерноморья с VII по III вв. до н. э. сменилось несколько этнических групп ираноязычных кочевников, объединяемых общим названием «скифы»; наибольшими различиями между скифами I и II хронологических периодов. Нет оснований для утверждений о каком-либо существенном присутствии скифов в Лесостепи. Отдельные группы кочевников, вытесняемых из Степи новыми завоевателями, что проявляется в эффекте «запаздывания» связей, оседали на

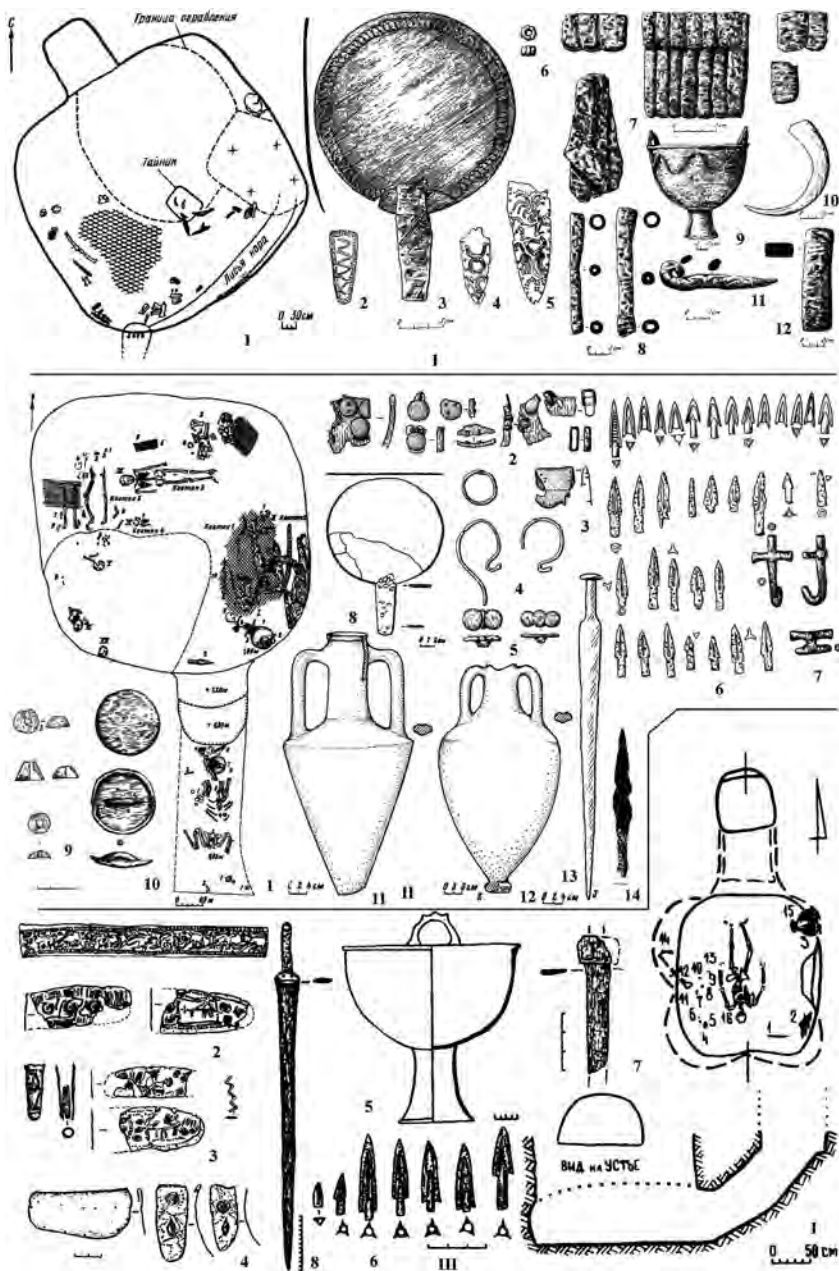

Рис. 4. Погребения IV вв. до н. э. с территории Нижнего Подонья:

I – погребение из кургана у пос. Шолоховский и отдельные находки из него (по Смирнову К. Ф., 1984): 1 – план погребения; 2, 4, 5 – золотые пластины; 6 – стеклянные бусы; 7 – фрагменты железного доспеха; 8 – железные втуки; 9 – бронзовый котел; 10 – клык кабана; 11 – железные удила; 12 – железный брусок; II – погребение из кургана 4 у хут. Сладковский и отдельные находки из него (по Смирнову К. Ф., 1984): 1 – план погребения; 2 – металлические детали деревянного кубка; 3 – золотая оковка деревянного сосуда; 4 – бронзовые серьга и подвески; 5 – бронзовые бляшки; 6 – бронзовые и железные наконечники стрел; 7 – бронзовый колчаный крючок; 8 – бронзовое зеркало; 9 – бронзовые ворворки; 10 – распределительная бляшка; 11, 12 – амфоры; 13 – железный меч; 14 – железный наконечник копья; III – погребение 3 кургана 6 у пос. Вертячий (по Мамонтову В. И., 1993): 1 – план погребения; 2–4 – золотые и серебряные пластины – накладки на колчан и обкладки сосудов; 5 – бронзовый котел; 6 – железный и бронзовые наконечники стрел; 7 – железный нож; 8 – железный меч

ограниченной территории луговой степи между Тясмином и притоком Южного Буга. Для Левобережья более актуальными, по крайней мере с конца архаики, были связи с кочевниками савромато-сарматского мира» [42, с. 24].

С учетом фиксации параллельных культурных явлений в лесостепной зоне Поволжья и в Заволжье, полагаю, есть резон говорить о значительном импульсе, воздействовавшем на культуру населения степной зоны Восточной Европы опосредованно через номадов Южного Урала. И, скорее всего, речь идет о миграциях достаточно большого массива племен центрально-азиатского происхождения.

Ключевые слова: с. Песочин, шатровые и срубные деревянные конструкции, ортогональное положение, ориентировка головой на юг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко А. И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. — Х., 2005.
2. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII—III вв. до н. э. — М., 1991.
3. *Радзиевская В. Е.* Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине//СА. — 1985. — № 1.
4. *Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина//Люботинское городище. — Х., 1998.
5. *Черненко Е. В.* Люботинский курган//Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000.
6. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968.
7. *Пузикова А. И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). — М., 2001.
8. *Савченко Е. И.* Могильник скифского времени «Терновое I—Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд)//Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Сб. ст. — М., 2004. — С. 53—143.
9. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. — К., 1980.
10. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981.
11. *Кадьфаев М. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек//Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984.
12. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. — М., 1983.
13. *Гацров А. Д., Гаврилюк А. Г.* К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры//Проблемы археологии урало-казахстанских степей. — Челябинск, 1988.
14. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964.
15. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. — М., 1974.
16. *Мещеряков Д. В.* Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек//Археологические памятники Оренбуржья. — 1996. — Вып. I.
17. *Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника//Археологические памятники Оренбуржья. — 1999. — Вып. III.
18. *Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г.* Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска//Уфимский археологический вестник. — 2001. — Вып. 3.

19. *Таифов А. Д.* Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII—II вв. до н. э. — Автореф. док. дисс. — М., 2005.
20. *Родионов В. В., Гуцалов С. Ю.* Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. — Уфа, 2000. — Вып. 2.
21. *Железчиков Б. Ф., Фалалеев А. В.* Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. — Волгоград, 1995.
22. *Гуляев В. И.* «Золотой» курган скифского времени на среднем Дону // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). — Т. 1. — Новосибирск, 1998.
23. *Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. — М., 1978.
24. *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987.
25. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. — Вып. Д4–5. — М., 1978.
26. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (эрмитажная коллекция Бранденбурга) // Археология СССР. — САИ, Д1–33. — М., 1977.
27. *Пшеничнюк А. Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. — Уфа, 1995.
28. *Манцевич А. П.* Курган Солоха. — Л., 1987.
29. *Фиалко Е. Е.* Фракийская узда из кургана Огуз // РА. — 1995. — № 1.
30. *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К., 1973.
31. *Терепожкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины. Скифские древности. — К., 1973.
32. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
33. *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания государственного Эрмитажа // АСГЭ. Материалы по археологии европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья. — Л., 1973. — Вып. 15.
34. *Пузикова А. И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). — М., 2001.
35. *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. — К., 1992.
36. *Симоненко А. В.* «Проблема III века до нашей эры» — вариант решения? [Рецензия на книгу В. М. Клепикова «Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э.» (Волгоград, 2002)] // Нижневолжский археологический вестник. — Волгоград, 2003. — Вып. 6.
37. *Лукашов А. В.* К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. — Саратов, 1986.
38. *Клетиков В. М.* Погребения IV в. до н. э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. — Волгоград, 1999.
39. *Мамонтов В. И.* Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонья. — Луганск, 1993. — Вып. 1.
40. *Дремов И. И., Семенова И. В.* Курган позднесарматского времени у с. Березовка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. — Саратов, 2003. — Вып. 5.
41. *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. — М., 2000.

42. Бойко Ю. Н. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени (фрагмент динамико-дистанционной модели)//Тезисы Международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. Редкол.: Г. Н. Тощев (отв. ред.) и др. — Запорожье, 1993.

Резюме

Гуцалов С. Ю. Могильник у с. Пісочин під Харковом у контексті історії стародавніх кочовиків Південного Уралу

Дана стаття присвячена аналізу матеріалів розкопок курганів кінця V—IV ст. до н. е. у с. Пісочин під Харковом.

Матеріал, який розглядається, характеризує, в першу чергу, військову еліту кочовиків Сіверського Донця. Історико-культурні паралелі з синхронних поховань степу і лісостепу Східної Європи і віддаленіших територій дозволяє стверджувати, що поява цього некрополя пов'язана в цілому з розвитком історичної ситуації в Євразійських степах в середині I тис. до н. е. Поховальні пам'ятки подібного типу зустрічаються на Середньому і Нижньому Доні, в Нижньому Поволжі, в Придніпров'ї. З іншого боку вони тісно пов'язані з культурою еліти племен Південного Уралу кінця VI—V ст. до н. е. Є сенс говорити про розповсюдження військових поховань в степовій і лісостеповій зонах східної Європи в результаті міграції населення з східних регіонів степової смуги Євразії, і, при цьому, значна роль належала степовим племенам Південного Уралу.

Ключові слова: с. Пісочин, шатрові й зрубові конструкції, ортогональне положення, орієнтування головою на південь.

Summary

S. Gutsalov. The Groves Near the Village Pesochin Under Kharkov in the Context of the South Ural Ancient Nomads History

The given article is devoted to the analysis of excavation materials of the Scythian burial ground near Kharkov, village Pesochin. These materials give a characteristic to the Severski Donets forest-steppe nomads military elite. Historical and cultural comparisons of synchronous buried in steppe and forest-steppe of Eastern Europe and farther areas suggests that the emergence of the necropolis associated with the development of the whole historical situation in the Eurasian steppes in the middle of the I thousand B.C. The burial grounds of the same kind occur on the Middle Done and behind the Volga and the Down Done. On the other hand, they are closely connected to the culture of the South Ural nomadic elite at the end of VI—V centuries B.C. There are pints to speak about the spreading of military necropolis in the steppe and forest-steppe areas of the East Europe as a result of migration of the population from the more Eastern Eurasian regions, where the main role was possessed to the nomads of the Ural Steppe.

Key words: vill. Pesochin, tent-frame and wooden construction, orthogonal position, the south orientation of the head.

